

ПОЛОВЕЦКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ВОИНА У СЕЛА КРАСНЫЙ ПАРТИЗАН*

*Буратаев Евгений Гаврилович*¹

*¹ научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии
Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста).*

E-mail: burataev1981@mail.ru

Аннотация. В 1982 г. в ходе строительных работ на автодороге у села Красный Партизан Яшалтинского района, было обнаружено погребение в кургане. Исследованное специалистами погребение примечательно своим изваянием, не имеющим аналогов. Изваяние неоднократно упоминалось в публикациях разного времени, однако материалы описания погребения опубликованы не были. Они приводятся в настоящей статье на основании рукописи полевого отчета археологических работ 1982 г. в Республике Калмыкия (руководитель работ — Е.В. Цуцкин). Изучение сравнительного материала показывает, что погребение можно отнести к половецким памятникам золотоордынского времени (XIII — начало XIV вв.)

Ключевые слова: половцы, изваяние, курган, погребение, обряд, Золотая Орда, Яшалтинский район Республики Калмыкия, село Красный Партизан.

В сфере изучения археологических памятников средневековья особый интерес представляет период «поздних кочевников». Этот этап истории включает в себя довольно широкий диапазон этнических объединений, проживавших в Великой степи в разные хронологические отрезки в XI–XV вв. н. э. Археологическая интерпретация позднекочевнических погребений на территории Калмыкии предполагает их печенежско-огузскую, торческую, половецкую и золотоордынскую принадлежность [Круглов 2003: 13–82; Васюткин 1993: 11–27].

Примечательный погребальный комплекс, датированный периодом поздних кочевников, был открыт в 1982 г. у с. Красный Партизан Яшалтинского района Калмыцкой АССР. В течение полевого сезона 1982 г. наряду со спасательными археологическими раскопками в Сарпинской низменности археологическая экспедиция Калмыцкого научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики (далее — КНИИИФЭ) произвела срочное исследование кургана груп-

*Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Рис. 1. Географическое расположение курганной группы *Красный Партизан*. Яшалтинский район Республики Калмыкия

пы Красный Партизан. Археологические работы были осуществлены по заявке, поступившей с места нахождения памятника. Получив задание, небольшая группа археологов во главе с Е.В. Цуцкиным выдвинулась на место проведения строительных работ, где и провела необходимые мероприятия.

На месте ученые установили, что в процессе закладки насыпи автодороги к возведенному кормоцеху была разрушена насыпь кургана. В результате сноса части насыпи рабочими было обнаружено погребение с каменной скульптурой, датированное авторами раскопок позднекочевническим периодом. Каменное изображение руководитель раскопок назвал «надгробием». По словам рабочих несколько деталей надгробия были снесены в насыпь дорожного полотна и покрыты асфальтом.

Скульптурное изображение вошло в научный оборот под названием «надгробие» и отображено в ряде статей У.Э. Эрдниева и М.А. Очир-Горяевой [Эрдниев 1990: 129; Очир-Горяева 2009: 63]. Оба исследователя подчеркивают, что аналогий данному скульптурному изображению нет. В статье впервые публикуется материал описания погребения на осно-

вании машинописного текста полевого отчета, хранящегося в Научном архиве КалмНЦ РАН. Графическая часть полевого отчета (чертежи погребения, фотографии и рисунки археологических находок) в архиве отсутствует, ее судьба остается неизвестной.

Исследованный курган находился на территории животноводческого комплекса по откорму крупного рогатого скота мясосовхоза «Элистинский» Яшалтинского района Калмыцкой АССР. Комплекс расположен в 1 км на северо-востоке от села Красный Партизан. Насыпь кургана располагалась в 40 м к западу от кормоцеха (см. рис. 1).

Найденное изваяние или «надгробие» состояло из тулова и постамента. Общая высота скульптуры — 0,70 м. Изображение имеет утолщенную среднюю часть, над которой находилась полумесяц или рога (концами вверх). Тулово скульптуры под перекрестием переходит в прямоугольный конец, который вставлялся в специальное углубление в постаменте. На момент передачи изваяния специалистам сохранилось несколько небольших обломков постамента, однако в тексте полевого отчета эти фрагменты не отображены. Вокруг места нахождения изваяния рабочими было обнаружено скопление костей животных, часть из которых отложили в сторону. Однако информации о костях и фиксации вероятно жертвенного места вокруг надгробия в полевом отчете нет.

В ходе работ по зачистке курганной насыпи было обнаружено могильное пятно прямоугольной формы, ориентированное длинной осью по линии В–З. Длина пятна — 2,13 м, ширина — 0,67 м в восточной части и 0,80 м — в западной. Западная часть стенки была сильно разрушена. Дно могилы было зафиксировано на уровне — 175 см в средней части и — 169 см в восточной части ямы.

В процессе выемки засыпи могильной ямы встречены:

Кости овцы над погребением и в юго-западном углу на уровне 57 см.

Фрагменты костяных обкладок на уровне 84 см, в юго-восточном углу и рядом остатки дерева.

Берестяной предмет у северной стенки в 60 см к западу от восточной стенки на уровне 84 см (остатки колчана?).

На дне могильной ямы был открыт скелет взрослого человека, мужчины, лежащего вытянуто на спине, головой на запад. Череп лежал на правой стороне лицом к югу. Корпус расположен прямо. Правая рука вытянута строго вдоль туловища, левая согнута слегка в локте, и локтевая часть немного отведена в сторону от корпуса, кисть лежит в области таза. Кости таза расположены параллельно друг другу. Ноги вытянуты, стопы не соприкасались.

Над скелетом погребенного обнаружены остатки деревянного перекрытия. За головой, поперек ямы, проходила плашка, сохранившаяся длина которой составила 20 см, ширина — 5 см. Над черепом и в области груди сохранился тлен дерева, волокнами ориентированного

вдоль длинной оси ямы. Среди тлена обнаружено три фрагмента плашек. Вдоль южной стенки в продольном направлении сохранились следы плахи шириной 7 см, длина сохранившейся части — 55 см. Поперек правого предплечья лежала деревянная плашка шириной 4 см. Под ней были остатки плашек, ориентированные по длинной оси ямы. На правой бедренной кости лежала продольная и поперечная плахи. Реконструкция перекрытия не представлялась возможной, но можно предположить, что она состояла из продольных и поперечных плах.

На дне ямы также был обнаружен ряд находок. На головке правой бедренной кости погребенного лежала кольцевидная железная пряжка. Железное стремя было найдено на правой стопе. Между правой стопой и южной стенкой ямы был обнаружен фрагмент железных кольчатых удил. Железные черешковые наконечники стрел лежали между левым верхним плечевым суставом и северной стенкой подбоя на уровне 176 см. У тазобедренного сустава на уровне 173 см острием к ногам лежал железный кинжал. Острие кинжала было обломано и найдено рядом. Остатки берестяного колчана были зафиксированы на левом локте. Выше, в насыпи ямы нашли другой фрагмент колчана. Колчан был ориентирован вдоль длинной оси ямы, основанием к ногам. Ширина его составляла 11 см, длина не установлена [НА КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 29].

Что касается дальнейшей судьбы находок, то в фондах Национального музея республики Калмыкия им. Н.Н. Пальмова хранится ряд обнаруженных предметов: фрагменты бересты (колчана) очень плохой сохранности, железный кинжал с треугольным в сечении лезвием и фрагмент железных удил (кольцо). Костный материал захоронения должен был поступить в КНИИИФЭ, но в фондах хранилища КалмНЦ РАН (преемника этого института) он не выявлен.

По сопутствующему материалу погребение и курган были датированы позднекочевническим временем. При этом ритуал погребения носит мусульманский характер: череп погребенного был повернут на юг, к Мекке. Отслеживая мусульманскую обрядность погребений в целом, следует отметить наличие таких важных для канонического захоронений деталей, как ориентировка погребенного в сторону священной Каабы в г. Мекка, отсутствие внешних признаков могилы и отсутствие в погребении какого-либо инвентаря. Однако в нашем случае погребение снабжено постаментом-«надгробием», то есть было отмечено на поверхности, имело инвентарь с включениями предметов конской упряжи, что в целом характерно для кочевников средневековья XIII–XIV вв. К тому же отмеченный автором раскопок доворот лицевого отдела черепа погребенного на юг, вероятно, носит случайный характер как следствие проседания досок перекрытия.

В XIII–XIV вв. языческие верования и традиции кочевавших на этой территории племен стали постепенно смешиваться с пришлыми мусуль-

манскими верованиями [Васильев 2007]. Процесс проникновения новых религиозных взглядов в эти места шел, по-видимому, достаточно сложно, и, как представляется, затрагивал преимущественно верхушку обитавшего здесь этноса. Это явление объясняется некоторыми особенностями местного значения: удаленность от религиозных центров, отсутствие постоянных поселений, языковой барьер. Эти и многие другие факторы осложняли проникновение ислама в среду рядовых общинников. Как известно, новые веяния с неохотой, а порой даже враждебно встречаются тем или иным сообществом. Первым мусульманским проповедникам того времени приходилось подстраиваться под существующие религиозные традиции в обществе. В пользу этого мнения можно привести исследования Д.В. Васильева, который, рассмотрев и проанализировав комплекс погребений золотоордынского времени Казахстана, Татарстана, Поволжья и Юга России, выделил две основные группы погребений: погребения с соблюдением и без соблюдения мусульманских канонов ислама [Васильев 2007].

Процесс перехода от язычества к монотеизму вероятно отразился и на похоронном ритуале данного погребения. Но такое предположение справедливо лишь в том случае, если описанное скульптурное изображение («надгробие») действительно было изначально поставлено при погребении, а не перенесено из другого места. Кроме того, следует учесть признаки погребального обряда рассмотренного погребения: одиночное (вероятно воинское) захоронение, западная ориентировка костяка погребенного, оснащенность традиционным для кочевника колчаным набором со стрелами, наличие в могиле предметов конской упряжи, которые стали эквивалентом захоронения коня или его чучела. Отметим также наличие надгробия-изображения и надмогильной конструкции в виде каменной обкладки, о которой в полевом отчете не упоминалось, но о ее наличии говорилось в статьях и сообщениях непосредственного участника археологических работ сезона 1982 г. М.А. Очир-Горяевой [Очир-Горяева 2008: 205; 2009: 63]. Все это позволяет нам отнести комплекс погребения у с. Красный Партизан к половецким памятникам золотоордынского времени, то есть к XIII – началу XIV вв. Отсутствие в комплексе погребения предметов дорогого инвентаря, таких как меч, сабля, элементы брони, может свидетельствовать о том, что погребенный был представителем непривилегированного населения и, по всей видимости, в воинском отряде являлся рядовым лучником.

Вопрос интерпретации самого изображения или надгробия остается открытым. Не совсем ясна сама фигура и ее трактовка, однако наличие на поверхности насыпи каменной оградки, на что указала М.А. Очир-Горяева, подтверждает гипотезу о принадлежности данного погребального комплекса половецкому культурно-историческому сообществу.

Источники

Научный архив Калмыцкого научного центра РАН (НА КалмНЦ РАН).

Литература

Васильев Д.В. Ислам в Золотой Орде: Историко-археологическое исследование. Астрахань, Издательский дом «Астраханский университет» 2007. 192 с.

Васюткин С.М. О периодизации этнической истории средневековых кочевников Восточной Европы // Проблемы всемирной истории. Элиста: АПП «Джангар», 1993. С. 11–27.

Круглов Е.В. Печенеги и огузы: некоторые проблемы археологических источников // Степи Европы в эпоху средневековья: Сб. науч. трудов. Донецк: Донецкий национальный университет, 2003. Т. 3. С. 13–82.

Очир-Горяева М.А. Археологические памятники Волго-Маньчских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.). Элиста: Герел, 2008. 298 с.

Очир-Горяева М.А. Стрелы и колчаны золотоордынцев // Сокровища культуры Калмыкии. М.: Наследие, 2009. С. 63.

Эрдниева У.Э. Об идеологических представлениях древних племен (на археологических материалах Калмыкии) // Вопросы археологии юга Восточной Европы. Сб. науч. трудов. Элиста: КГУ, 1990. С. 122–132.